

Личность в истории Сибири XVIII-XX веков.

Сборник биографических очерков. Новосибирск: ИД Сова, 2007. С. 259-270.

Зольникова Наталья Дмитриевна

д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН

Судьбы сибирских староверов [*

О тайных, разгромленных в 1951 г., часовенных скитах в бассейне Нижнего Енисея, насельники которых создали целый ряд замечательных памятников народной литературы XX в., уже немало написано. Речь идет о старообрядческих монастырях, перемещавшихся с Урала на восток до приполярной тайги Нижнего Енисея, убягая от потрясений времени и преследования властей [1]. Однако далеко не все имена и обстоятельства пути через арест, длительные допросы, тюремное заключение отразились в научных публикациях, ограниченных объемом и другими задачами.

По делу о "тайном антисоветском формировании сектантов-старообрядцев", заведенному после уничтожения скитов, 33 человека подверглись на время следствия тюремному заключению в Красноярске и осуждены затем по ст. 58-10, ч. II и 58-11 УК РСФСР на лагеря сроком от 10 до 25 лет. В скитах же захватили вдвое больше людей, однако не все они попали в категорию обвиняемых. Часть сумела бежать в пути от конвоиров. Подробности этого известны нам лишь из мемуаров одного такого беглеца, А. Г. Мурачева; в материалах красноярского следственного дела этот факт только изредка проскальзывает в показаниях обвиняемых, в основном же умалчивается (следователи ни разу специально не спрашивали об этом на допросах, нигде в официальных документах эпизод бегства также не отражается - видимо, не хотели ставить под удар команду карателей). Фамилия самого Мурачева обнаружилась лишь в заключительном, 10-м томе следственного дела, в особом списке из 34-х "скомпрометированных", но скрывшихся людей; материалы о них выделены особым постановлением в отдельное дело "для оперативного исполнения" [2]. Другие арестованные, вина которых чем-либо смягчалась в глазах "органов", прошли по делу как свидетели.

Первые допросы проводились при разгроме скитов с 4 по 27 апреля 1951 г. Их цель - добыть на месте максимальное количество информации, чтобы задержать всех, связанных со "старообрядческим подпольем" и найти как можно больше "вещдоков". В конце мая арестованных жителей скитов и связанных с ними близлежащих крестьянских заимок привезли в крупный пересылочный пункт на Енисее, уже несколько десятилетий функционировавший в с. Ярцево. Здесь, по-видимому, и был выделен основной состав обвиняемых. Кого же "отсеивали" в свидетели?

25-м мая 1951 г. датируется допрос свидетельницы Александры Евсеевны Долгих (Фроловой), родившейся в крестьянской семье на территории Башкирии и находившейся в женском монастыре с 1942 г., однако не в качестве монахини, а в качестве послушницы-белицы. А. Е. Долгих, вынужденная дать показания об "антисоветской агитации" в скитах, "осознала свою вину перед советской властью" в том, что разделяла взгляды на сущность государственной власти в России как антихристовой, бежала от нее, не вступила в колхоз. В подтверждение раскаяния 36-летняя послушница дала согласие работать в советских учреждениях или колхозе (т. 9, л. 1-3).

Через три дня допрашивали другую привезенную из монастыря подконвойную с фамилией Долгих - Евстафию Галактионовну, из крестьян Парабельского р-на Томской обл., которую ее сестра Анастасия привела в шестилетнем возрасте вместе с собой из д. Низ-Безымянка в женский скит, когда он располагался недалеко от этой деревни. Евстафия оставалась в монастырской "семье" вплоть до разгрома 1951 г. Молодая послушница рассказала, что антисоветские высказывания слышала лишь от своей игуменьи матушки Тавифы, сама "агитацией" не

занималась и в заключение согласилась отказаться от "нелегального положения" и работать в колхозе или учреждениях (т. 9, л. 108-111).

26 мая были допрошены еще несколько арестованных женщин, которых определили в свидетели. Первая - И. И. Сальникова, из семьи крестьян-"средняков" деревни Ново-Заимка Тегульдетского р-на Томской обл., переселившейся позже в п. Подбель Красноярского края; в отличие от упомянутых послушниц Долгих - грамотная (образование - два класса начальной школы). Сальникова утверждала, что в монастыре она всего лишь была в гостях у сестры (К. Я. Кузнецовой), прожила там месяцев 10, задержавшись из-за отсутствия попутчиков, которые могли бы проводить ее домой, в п. Подбель. Гостила она в монастыре не одна, а с сестрой Устиньей (1932 г. рожд.). На следующий день, 27 мая, допросили и свидетельницу К. Я. Кузнецову (1926 г. рожд.), причем дважды. Она рассказала, что в монастыре находилась с 1943 г. на положении послушницы и неоднократно слышала "антисоветские высказывания" от монахинь, в частности - от обвиняемой м. Максимины (М. Л. Черновой). С Устиньи сняли показания 28 мая, тоже как со свидетельницы (т. 9, л. 4-6, 118-120).

Шестидесятишестилетняя Д. С. Устинова, уроженка Исетского р-на Тюменской обл., также из крестьян-"средняков" - еще одна из арестанток, дававшая 26 мая показания как свидетельница. До 1928 г. они с мужем А. С. Устиновым жили в Тюменской обл., затем, распродав хозяйство, переехали в с. КоргаПудинского сельсовета Парабельского р-на Томской обл., где и оставались около 10 лет. Что скрывалось за краткими словами протокольной информации, можно понять, если вспомнить: именно около Корги устроились остатки разгромленного в конце 1920-х гг. женского монастыря с Исети, находившегося около большого тюменского старообрядческого села Солобоево. Вероятно, недаром сюда переместились и Устиновы, несомненно - спасаясь от коллективизации. В 1940 г. семья Устиновых переехала на Енисей (как мы теперь знаем, вслед за бежавшими по той же причине на восток одноверцами, как монахами, так и мирянами) [\[3\]](#). Здесь глава семьи работал сначала в Вороговском леспромхозе, затем заключил договор на ловлю рыбы, поселившись с близкими в 300 км.от Ворогово, на р. Дубчес, недалеко от семьи Лаптевых, ближайших родственников отца Симеона, главы мужского Дубчесского монастыря. В 1945 г. муж Д. С. Устиновой умер, и она стала послушницей в монастыре м. Тавифы, сестры о. Антония, второго по значению старца Дубчесских монастырей, также арестованного в 1951 г. Устинова, как и другие допрошенные свидетельницы, признала свои "антисоветские" и антиколхозные убеждения, к тому же сообщила о монашеском статусе и иноческом имени другой арестантки, Х. К. Серковой, которая об этом пыталась умолчать (т. 9, л. 100-101, 104-105).

В тот же день, 26 мая, следователи допросили В. Л. Мальгину - сестру крестьян-единоличников С. Л. и Г. Л. Мальгиных, обвиняемых в том, что они служили для монастырей "связниками". Двадцатичетырехлетняя Варвара Мальгина, уроженка Парабельского р-на, к 1951 г. уже семь лет находилась в монастыре. На допросе она дала показания относительно "антисоветских взглядов" дубчесских монахинь, и в дальнейшем следователи не сочли необходимым переводить ее в разряд обвиняемых (т. 9, л. 152-153).

27 мая в Ярцево как свидетельницу допросили послушницу Ефимию Ивановну Кустову - родственницу арестованных скитожителей из клана крестьян Кустовых - Глуховых. В отличие от ее племянниц, Е. И. и Т. И. Глуховых (м. Еванфии и м. Трифены), и брата И. И. Глухова, прошедших по красноярскому делу в качестве обвиняемых, она вошла в число свидетелей. Пятидесятивосьмилетняя Е. И. Кустова рассказала, что она уроженка с. Алмыш Пермской губ., неграмотная, из семьи крестьян-"средняков", вдова погибшего в Первую мировую войну П. И. Кустова. В 1917 г. она уехала к родственникам на Алтай, прожила до 1922 г. на территории Пьянковского сельсовета, а затем переехала в менее доступный район - Горную Шорию. В 1929 г. она вновь переезжает, теперь уже в Бакчарский р-н (Нарымского края, позже - Томской обл.). На

новом месте жительства она оставалась 10 лет, а затем обосновалась в Ярцевском р-не, в часовенном монастыре у д. Низ-Безымянка, перебравшись затем на р. Дубчес вместе со скитом. Кустова не распространялась о причине своих переездов, но их даты неопровержимо свидетельствуют: она бежала, как мы теперь знаем - со своими родственниками и другими крестьянами, от потрясений гражданской войны, экономических и конфессиональных преследований новых властей, то вводивших непосильные налоги на мало-мальски зажиточное крестьянство, то уничтожавших его во время коллективизации и гонений на "религиозных агитаторов".

Причину своего пребывания вне колхозной системы Е. И. Кустова скрывать от следователей не стала: не хотела жить среди безбожников. Такими же откровенными были и ее показания в отношении племянниц и других инокинь и иноков. Она подтвердила их враждебность к советской власти, ведение "антисоветской агитации", равно как и факт антисоветских разговоров монастырских "связников" братьев Кропачевых (т. 9, л. 129-132 об.) Позже, во время следствия в Красноярске, ее показания были перепроверены во время допроса Е. И. Глухой (м. Еванфии) и, в свою очередь, послужили материалом для обличения последней в "антисоветской агитации" (поначалу та все отрицала).

В тот же день в Ярцево дважды допросили свидетельницу Е. И. Митрошину - 52-х лет, вдову, из крестьян-"средняков" д. Кашка Большеусинского р-на Молотовской обл. (ранее - Пермской губ.). В 1926 г. она приехала с Урала к сестре, В. И. Горбуновой, которая жила на заимке в тайге Чаинского р-на (Томская обл.), с 1928 по 1934 гг. была замужем; овдовев, в 1936 г. последовала за сестрой, семья которой к тому времени переехала в Ярцевский р-н Красноярского края. Когда и там началась коллективизация, сестра с мужем оказались вынуждены вступить в колхоз, Митрошина же ушла в женский монастырь. На допросе она также дала признательные показания об "антисоветских взглядах" монахинь, возглавлявших женские скиты (т. 9, л. 154-158).

27 мая в Ярцево допросу подвергли монахиню м. Асенефу (Агриппину Андреевну Казанцеву), 68 лет, из крестьян-бедняков Сосновского р-на Челябинской обл. Она дала показания против м. Тавифы, которую знала более 30 лет, и засвидетельствовала ее "антисоветскую агитацию среди монахинь" (т. 9, л. 102-103). Как свидетельница была тогда же допрошена еще одна монахиня - м. Христина (Х. К. Серкова), неграмотная, 72-х лет, уроженка с. Туршево (в будущем - Шатровского р-на Тюменской обл.) В монастыре она прожила 11 лет, попав в него уже в Красноярском крае, куда приехала к дяде, жившему на территории Луговатского сельсовета (т. 9, л. 104-105). Следователей в особенности интересовал вопрос (на который они получили исчерпывающий ответ), кто уговорил Х. К. Серкову уйти в монастырь, кто сопровождал монахинь при переезде женского скита с Безымянки в окрестности Дубчеса и т. д. [4].

27 мая сняли допрос с Е. В. Фадеевой, 1900 г. рождения, уроженки с. Кирсаново Исетского р-на Тюменской обл., сестры обвиняемых А. и К. Кропачевых. Она рассказала, что муж ее погиб на Великой Отечественной войне и подчеркнула, что брат Антип тоже воевал (видимо, хотела косвенно создать благоприятное о нем впечатление у следователей, быть может, надеясь на смягчение его участи). В Восточной Сибири Е. В. Фадеева с мужем оказались в 1941 г. (несомненно, по той же причине, что и другие арестованные в 1951 г. старoverы-часовенные). На следующий год главу семьи призвали в армию. Оставшись вдовой при плохом здоровье, как мотивировала свое решение Е. В. Фадеева, она в 1946 г. пошла "жить в монастыре со старухами", поселившись в скиту м. Тавифы (т. 9, л. 106-107).

По-другому сложилась судьба арестованной м. Еванфии (Е. И. Глухой). 25 мая в Ярцево с нее, как со свидетельницы, сняли допрос, на котором она показала, что родилась в 1918 г. в д. Большие Кусты Пермской губ., в семье крестьян-"средняков". О своей принадлежности к черноризицам и о монашеском имени она не упомянула. Но уже 2 июня м. Еванфия попала в

число обвиняемых. Из дальнейших допросов в Красноярске выяснилось, что Глухова еще в Западной Сибири ушла в монастырь, а затем с ним вместе оказалась в Восточной. После того, как ей предъявили уличающие показания ее тетки по отцу Е. И. Кустовой, м. Еванфия призналась, что "вела беседы среди монашек о вреде колхозов" по поручению главы Дубчесских монастырей о. Симеона и его помощника о. Антония. Отрицала же она этот факт поначалу по просьбе последнего и не желая предавать скитскую верхушку (т. 5, л. 138-167). М. Еванфия не признала своей вины в "антисоветской агитации", как и большинство осужденных (т. 11, л. 59-60).

К допросам привлекли и другую категорию свидетелей - не принадлежавших к арестованным в ходе разгрома Дубчесских скитов, а относившихся к их родственникам или знакомым. Когда красноярские следователи считали необходимым проверить показания обвиняемых, то либо вызывали на допрос таких свидетелей (если они жили поблизости), либо посылали запросы на места - от Урала до таежных поселков Западной Сибири. Там по подобным запросам снимали показания с найденных свидетелей и отсылали сведения в Красноярск. Они проливают свет на многие обстоятельства старообрядческого "побега длиною в жизнь". В частности, в ходе следствия уточнялись показания одного из самых авторитетных жителей Дубчесских скитов, обвиняемого А. Г. Голдобина, не раз исполнявшего поручения игумена о. Симеона, в том числе и по организации отпора религиозным конкурентам из другого согласия, оспаривавшим вероучение часовенных (пришлось устраивать специальный диспут среди главных книжников и настоятелей округа, нарушение глубокой конспирации во время которого грозило тюрьмой для обеих сторон).

А. Г. Голдобин родился в 1890 г. в Курганском уезде Тобольской губ. в семье крестьян-"середняков", бежавших в 1928 г. от коллективизации в таежные места Нарымского края. Голдобины быстро установили тесные отношения с тайными скитами часовенных в Колыванской тайге, в дальнейшем перемещаясь вместе с ними далее на восток, в Красноярский край. В 1941 г. овдовевший к тому времени А. Г. Голдобин становится послушником мужского скита; в 1951 г. он оказался в числе обвиняемых. После нескольких допросов, когда он пытался скрыть все, что касается его родни, ему все же пришлось назвать своих родственников, но и тут он зачастую давал в отношении их местонахождения совершенно неверные сведения. Все же следствие сумело разыскать его дочь, В. А. Волкову, которая жила в Парбигском р-не Томской обл. и работала сторожем в п. Мельстрой. Опознав по фотографии отца и подтвердив его личность, она сообщила, что с 1940 г. не имеет с ним связи: в 1940 г. отец письменно приглашал ее с семьей приехать к нему на жительство, однако она переезжать не захотела и даже якобы не ответила на письмо. О своем деде, Г. Т. Голдобине (1870 г. рожд.), она отозвалась (возможно, скрывая правду) незнанием его местонахождения после того, как он был арестован в 1939 г. О других родственниках Волкова сообщила следующее: дядя, К. Г. Голдобин, уехал в Красноярский край вместе с ее отцом; тетки, сестры отца, П. Г. Крюкова (1899 года рожд.) и М. Г. Ленева (1911 г. рожд.) переехали в 1948 г. в Верх-Кетский р-н Томской обл., и с тех пор связь с ними потеряна. В Парбигском р-не остались другие сестры отца, ее тетки И. Г. Пикулева (домохозяйка в п. Кенга) и Х. Г. Лошкарева (сторож мелиоративной станции в п. Крыловка). Сестра В. А. Волковой, М. А. Сараева (1915 г. рожд.), работала на гидростанции в с. Парбиг "на рядовых работах" (т. 9, л. 50 об.-52 об.)

Несмотря на очевидное стремление В. А. Волковой отмежеваться на допросе от арестованного отца, она далеко не во всем была откровенной: в частности, умолчала о своей сестре Ирине, которая уехала с отцом в Красноярский край, затем жила в женском скиту недалеко от отца [\[5\]](#).

Сведения о судьбах людей, связанных родственными узами с А. Г. Голдобиним, дополняют материалы допроса его шурина, И. П. Ленева, сторожа Парбигскогорайпищекомбината, которого 12 сентября 1951 г. допросили в Парбигском райотделе МГБ. Оказалось, что Ленева происходили из того же Мишкинского р-на Курганской обл., что и Голдобины. Вместе они оказались и на заимке Мошкино Парбигского р-на (без сомнения, уходя от коллективизации, хотя И. П. Ленев об

этом, естественно, умолчал). Отец И. П. Ленева, Поликарп Григорьевич, был наставником на заимке до 1933 г., когда его арестовали и осудили вместе с другими руководителями староверов-часовенных за связь с тайными монастырями и антиколхозную пропаганду. Свидетелем по процессу 1933 г. проходил и А. Г. Голдобин, избежавший тогда тюрьмы и лагерей. После осуждения П. Г. Ленева наставником в Мошкино стал отец А. Г. Голдобина, Г. Т. Голдобин, который, в свою очередь, как свидетельствуют наведенные красноярским следствием справки, был арестован в 1940 г. и приговорен Нарымским окр. судом по ст. 58-10, ч. II и 58-11 к высшей мере наказания. Видимо, по тому же делу в 1940 г. осудили на 8 лет лишения свободы и И. П. Ленева - "за проведение агитации против колхозной системы" (т. 1, л. 208, 209; т. 9, л. 54-55).

Точно так же допрашивали жительницу п. Верхняя Пышма Свердловской обл. В. Ф. Бугаеву, сестру другого арестованного в 1951 г. скитского жителя - о. Даниила (Д. С. Солдаткина). О себе она рассказала, что родилась в 1911 г. в Черноисточинск-Висимском р-не Свердловской обл. (бывш. Пермской губ), закончила 6 классов школы, имеет паспорт, домохозяйка. Отец был старателем на золотых приисках, брат работал сначала с отцом, затем на рудниках и шахтах Нижнего Тагила и Левихи. В 1929-30 гг. арестовывался как активный старообрядец, после освобождения вновь работал на шахтах. В 1938 г. он сказал сестре, у которой жил последний год в Левихе, что уезжает на Дальний Восток искать счастья. С тех пор, подчеркнула В.Ф. Бугаева, она брата не видела и вообще не была его единомышленницей, поскольку не религиозна; по этой причине брат с ней даже ссорился (т. 9, л. 66 об.-68).

О прошлом и родственниках арестованных скитских старцев о. Ефрема (Е. Г. Котегова) и о. Иосифа (И. Е. Земерова) допрашивали в разных местах Западной Сибири их бывших односельчан. И. А. Самарин, конюх промартели из пос. Озерное Тегульдетского р-на Томской обл. опознал о. Ефрема по фотографии как прежнего жителя д. Большие Сушняки и рассказал о его семье как бедняцкой, потерявшей в 1937 г. своего главу, Г. А. Котегова, арестованного за "антисоветские религиозные сборища". После этого осиротевшие Котеговы вместе с братом отца переселились в Красноярский край. 3 августа 1951 г. в п. Пудино Томской обл. давал показания о семье Земеровых свидетель К. Ф. Фисенко, не старообрядец, уроженец Днепропетровской обл., живший в п. Верх-Корга Томской обл. с 1931 г., попавший туда с Украины, скорее всего, в качестве ссыльного. Он рассказал на допросе, что многочисленная семья Земеровых бежала с Алтая от раскулачивания, поселившись в 1931 г. в п. Кунгурцево и даже вступив на какое-то время в местный колхоз "Заря". Однако в 1936-37 гг. все они из этих мест выбыли. Свидетель добавил важный для следствия факт: Земеровы были "кержаками", жили в тайге и молились. В тот же день в Пудино был допрошен другой свидетель, Т. М. Гладких, рассказавший, что семья Земеровых - уроженцы Панкрушихинского р-на Алтайского края и добавивший неизвестные следствию факты о родственниках о. Иосифа: отец его умер в 1948-49 гг. в п. Верхняя Тавонга Пудинского р-на, мать и сестра тогда же уехали в неизвестном направлении, брат Семен, призванный в армию в 1942 г., погиб на войне, другой брат, Михаил, в том же 1949 г. переехал из Пудино в г. Колпашево Томской обл., где стал ревизором "Заготскота". Примеры опроса свидетелей можно продолжить (т. 9, л. 56 об.-99 об.)

Первое, что бросается в глаза: в категорию свидетелей по Красноярскому делу из схваченных во время карательной акции 1951 г. попали исключительно женщины, причем те, которые согласились дать показания, обличавшие других жителей скитов в "антисоветской агитации". Большинство их не были монахинями, за исключением матушек Асенефы и м. Христины, которые, по-видимому, показались слишком старыми (обеим - около 70 лет) для активной "работы" с ними. Послушницы или гости скитов, прошедшие по делу как свидетельницы, по возрасту в большинстве своем вполне годились для трудовой мобилизации; некоторые, как упоминалось выше, признали свою вину и согласились работать на государство. Их не стали включать в группу

обвиняемых, хотя материалы допросов не оставляют сомнений, что и те, и другие принадлежат к достаточно однородной экономически и конфессионально среде крестьян-староверов (в основном - "средняков"), в течение нескольких десятилетий бежавших от преследований начиная от Урала до приполярных областей Восточной Сибири. По всей видимости, задачей следствия было не максимальное увеличение количества обвиняемых, а стремление выявить инициаторов и активных сторонников сознательного сопротивления советской власти, ее идеологической и экономической политике, а также внести раздор в ряды скитожителей, продемонстрировав их идейную несостоятельность и скомпрометировав в глазах окрестного крестьянства. Недаром, как вспоминал А. Г. Мурачев, после ареста жителей скитов "начальство... пустило молву... что если кто женится... то тех людей судить не будут... отпустят". Когда несколько отчаявшихся клюнули на эту приманку, то "...начальник Щербин" сказал: "Смотрите, вот и в монастыре блядство развелось" (игумен о. Симеон сразу же отлучил их от "братии" и запретил единоверцам общаться с ними) [6].

Свидетели, не входившие в круг захваченных во время карательной акции 1951 г., тоже имели немалые основания опасаться пристального внимания "органов": в их семьях и без того нередко были репрессированные "враги народа", из-за которых оставшиеся на свободе родственники по неписанному закону того времени автоматически считались подозрительными. Не удивительно, когда такие свидетели отмежевывались от красноярских обвиняемых, не удивительно появление подробных показаний о последних и всей их родне (для знакомых и односельчан это, вероятно, было менее мучительно, чем для близких родственников). Удивительно, когда эти свидетели иногда все же пытались на свой страх и риск о чем-то умалчивать.

Показания обеих категорий свидетелей дают новые подробности картины перманентного побега крестьян с Урала до Восточной Сибири, начиная со времени Октябрьской революции и гражданской войны и до конца 1940-х гг. Бегство это не обходилось без потерь не только из-за репрессий. Остановившаяся на какой-то период в казавшихся уединенными таежных заимках и деревнях, староверы пытались наладить привычную жизнь, молодежь создавала новые семьи. Когда вновь возникала угроза для веры и традиционного хозяйствования, то уходили не все, часть так и оставалась на обжитых местах. Безусловно, осколки больших старообрядческих семейств и даже кланов, застрявшие на пути миграций, пытались сохранить по возможности и веру, и образ жизни - тому есть немало свидетельств. В частности, обращает на себя внимание род занятий, который они избирали: например, очень популярна была профессия сторожа, равно как и другие, избавлявшие от вступления в колхоз. В ряде случаев последнему предпочитали работу на приисках, заводах, вообще в городе, где меньше был контроль над личностью [7]. Несмотря на постоянные заявления о прекращении связей уральских и западносибирских родственников с обвиняемыми, есть немало доказательств, что эти связи поддерживались. Об этом, например, свидетельствуют письма, конфискованные в скитах в 1951 г.; о том же рассказывается и в трехтомном Урало-Сибирском патерике, написанном на Енисее. И все же решение части семейств "встать на учет", т. е. перейти к легальному существованию, означало компромисс с властью. Последствия бывали весьма серьезными: через несколько десятков лет эти старообрядцы могли потерять традиционную самоидентификацию. О результате легального существования часовенных Томской обл. в среде атеистов рассказывается в упомянутом патерике: "...ездили в гости ко своим на родину (имеются в виду поселки по р. Парбиг. - Н. З.), через 20 лет не виделись... Здесь чрез это время христианства ничего не видно у старых людей, не говоря уже о молодых: не поста, ни креста и не молитвы" [8].

[*] Подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН "Русская культура в мировой истории" (раздел II.2).

[1] Духовная литература староверов востока России в XVIII-XX вв. Новосибирск, 1999. Т. I. С. 22-26, 95-322, 655-703; Там же. 2005. Т. II. С. 18-21, 299-409, 533-553 и др.; Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные востока России в XVIII-XX вв. М., 2002. С. 32-58, 239-395.

[2] Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 10. Л. 127. Далее ссылки на архивное дело даются в скобках в основном тексте с указанием тома и листов дела.

[3] Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 16-58.

[4] О постоянной помощи мужских скитов женским, крестьян - инокам старообрядческих монастырей, в том числе и при переездах, строительстве келий, доставке продуктов, распашке новых земель и т. п. см.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 16-58 и др.

[5] Афанасий Герасимов. Повесть о Дубчесских скитах // Новый мир. 1991. № 9. С. 98.

[6] Афанасий Герасимов. Повесть о Дубчесских скитах. С. 99.

[7] Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные... С. 34, 42 и др.

[8] Собрание рукописных и старопечатных книг Института истории СО РАН, № 5/91-г. Л. 100, 100 об.